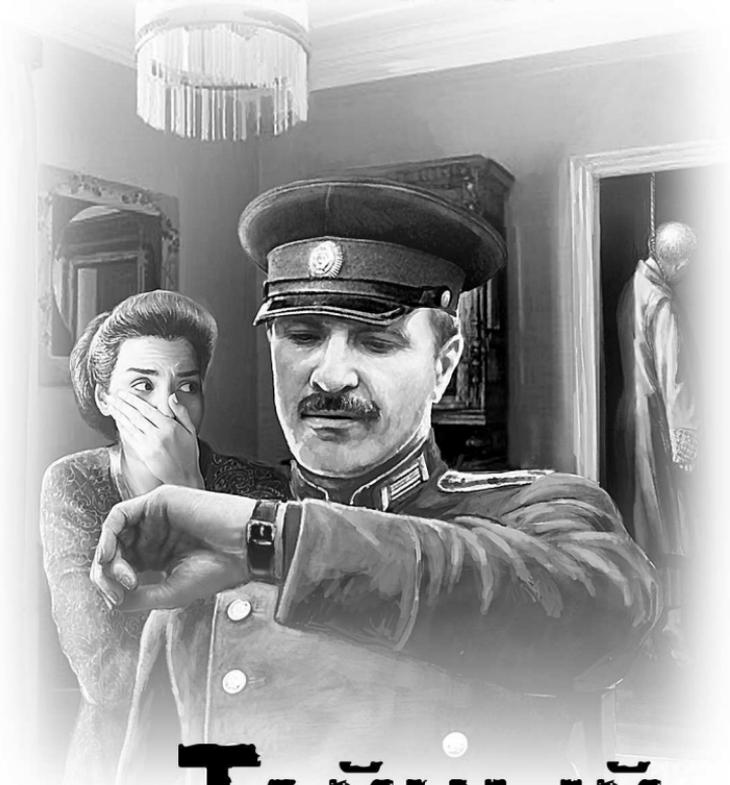

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ТАЙНЫЙ УЗЕЛ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.
С91 Тайный узел / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172816-8

В квартире найден мертвым коммерсант Модест Печорский. Судя по предсмертной записке, он покончил собой. К такому выводу пришли представители прокуратуры. Однако начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Виталий Щелкунов не согласен с подобной версией. Внимательно изучив подробности личной жизни покойного, майор выясняет, что в последнее время у Печорского не было причин для добровольного ухода. Но в тот роковой день случилось что-то из ряда вон выходящее, за что коммерсанту пришлось заплатить своей жизнью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172816-8

© Сухов Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

ТРУП В ДОМЕ НА ГРУЗИНСКОЙ УЛИЦЕ

В этом году зима выдалась на удивление снежной. Сугробы будто могучие атланты подпирали крыши домов. Было безветренно, и деревья, одетые в пышные снежные шубы, стояли неподвижно. Волга, покрытая толстыми пластами снега, выглядела длинным белоснежным, убегаящим вдаль полем. Лед на реке, крепчавший день ото дня, превратился в надежную переправу, по которой с одного берега на другой нескончаемыми колоннами переправлялись многотонные грузовики.

Зимнее ночное небо, обычно темное, закрытое в это время года белесой дымкой, в последний день декабря было ясным. В вышине сверкали звезды, свет от которых отражался на снегу, вспыхивая яркими веселыми искорками.

— Ну что, товарищи, давайте проводим сначала старый год, — обратился к сидящим за столом начальник городского управления связи Геннадий Васильевич Стрешнев и неспешно поднялся со своего места. — Уходящий год, надо признать, был очень даже неплохим. Нам всем в этом году значительно повысили должностные оклады, совсем недавно отменили карточки. Была проведена серьезная денежная реформа, ударившая в первую очередь по людям, имевшим излишки накоплений, полученных в большинстве своем нечестным путем. И в этом ее благо... Нам же с вами, простым труженикам, — обвел лучезарным взором коллег Геннадий Васильевич, — смена денег не принесла никаких финансовых потерь. Поскольку наши накопления — это знания, опыт и настоящее мастерство в выбранной нами профессии. Ведь мы и в годы войны, и сегодня честно исполняли свой долг и можем спокойно смотреть людям в глаза. Мы победили опасного врага в лице фашистской Германии и теперь просто обязаны жить счастливо. И мы будем жить счастливо! — повысил голос Стрешнев, снова оглядывая присутствующ-

щих и своим взглядом призывая разделить всех его мысли и настроение. — Так что давайте выпьем за прошедший одна тысяча девятьсот сорок седьмой год и будем надеяться, что каждый последующий год будет приближать нас к исполнению самых заветных желаний...

Тост получился длинным, однако никто из сидящих за столом не роптал. И не потому, что поздравлял их начальник, которого надлежало слушать при любых обстоятельствах. А оттого, что сказанное трогало душу каждого из присутствующих. Поэтому, спокойно дождавшись окончания долгого тоста, коллеги дружно и с улыбками выставили вперед рюмки; над центром стола прозвучал задорный стеклянный звон, после чего все выпили.

После первой рюмки, как водится, наступило некоторое затишье, изредка прерываемое короткими емкими фразами вроде: «Будьте так добры, передайте мне вот того салатика» или «Вам что налить, портвейну или, может, все-таки водочки?», «Давайте я за вами поухаживаю? Вам колбаски?» Обстановка становилась почти домашней, люди расслабились, и в это самое время раздался

пронзительный крик. Это был крик ужаса, отчего у гостей и у самого начальника городского управления связи по спине побежали мурашки.

— Кто бы это мог быть? — взволнованно посмотрела на мужа Мария Стрешнева.

— Странно все это... Пойду гляну, — на правах хозяина квартиры сказал Геннадий Васильевич и вышел из-за стола.

— погоди, я с тобой, — деловито произнес заместитель Стрешнева Марат Ренатович Саби-ров и шаркнул ножками стула по деревянному полу.

Вдвоем они прошли в коридор и решительно распахнули входную дверь.

— Помогите! — бросилась к ним соседка из квартиры напротив. На женщине не было лица. Точнее сказать, лицо, как таковое, конечно же, присутствовало, но оно выглядело мертвенно-серым, отчего очертания его смазывались и лицо казалось невыразительным пятном. — Там, там... — указала она на раскрытую дверь своей квартиры. И замолчала, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчины переглянулись и, оставив за своими спинами плачущую соседку, осторожно перешагнули в полутемную прихожую. Свет горел только в гостиной, в коридор проникал лишь рассеянный сумрак. Они дошли до полуоткрытой двери в гостиную и оцепенели от неожиданной картины: с тыльной стороны двери, спиной к ней, висел в петле довольно тучный человек. Это был их сосед Модест Печорский, не столь давно поселившийся в их старом доме. Носки ног Печорского были вытянуты книзу, как будто бы покойник в последний момент попытался опереться об опору, вот только отыскать ее не сумел.

Только теперь Стрешнев и его заместитель Сабиров заметили тонкую белую бельевую веревку, одним концом привязанную к ручке, а другим, с петлей, перекинутую через верх двери. Поскольку двери в их доме повышенной комфортности были высокие, ноги человека, висевшего на двери, не доставали до пола сантиметров на сорок. Рядом на дощатом полу лежала опрокинутая табуретка. Все было ясно: человек решил свести счеты с жизнью. И добился желаемого...

* * *

Геннадий Васильевич Стрешнев с супругой получили квартиру в специально и только что построенном для инженерно-технических работников (тогда еще Наркомата связи) четырехэтажном доме на улице Грузинской в тридцать седьмом году. Стрешнев в то время уже работал старшим инженером, поэтому ордер ему был выдан на отдельную, правда, однокомнатную квартиру в первом подъезде. Второй и третий подъезды дома имели только коммунальные квартиры, предназначенные для работников Наркомата связи должностями пониже. Дом был в городе Казани одним из немногих, имевших центральное отопление и ваннные комнаты, в том числе и в коммунальных квартирах.

Дом повышенной комфортности был построен в стиле классицизма и по индивидуальному проекту. Построили его на месте снесенной в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году трехпрестольной церкви Грузинской иконы Божией Матери. Дом имел внушительные, в три этажа, греческие колонны со стороны фасада,

венчающиеся лепниной; на карнизе красовался византийский орнамент и завитки. Большие балконы и окна являлись предметами особой гордости хозяев дома, имелась также массивная балюстрада на крыше — в городе домов подобного типа больше не было. Проживать в таком современном благоустроенном здании считалось большой жизненной удачей и признанием заслуг, что поднимало обладателя квартиры или комнаты в собственных глазах.

Когда у Стрешневых родилась дочь, а сам глава семьи сделался начальником городского управления связи, он получил в том же подъезде уже трехкомнатную квартиру на втором этаже. Случилось это в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Дом повышенной комфортности на Грузинской улице считался одним из престижных в городе, поэтому в нем, помимо рабочих и служащих Наркомата связи, мечтали поселиться многие, по роду службы или работы никак не связанные с Наркоматом, а с марта тысяча девятьсот сорок шестого года — Министерством связи СССР. Получалось поселиться в этом доме лишь у редких счастливиц. В частно-

сти — у директора одного из городских техникумов и известного драматурга, пьесы которого шли во многих театрах республики и всей страны. У Модеста Вениаминовича Печорского — тоже получилось. Ибо всегда находятся люди, которым по тем или иным причинам удается то, чего не удается абсолютному большинству других людей. В 1946 году Модест Печорский поселился как раз против Стрешневых. И сюда же через пару месяцев он привел свою молодую жену Нину, кареокую двадцатитрехлетнюю красавицу.

Не было ничего удивительного в том, что мужчина пятидесяти семи лет возжелал иметь рядом молоденькую и привлекательную женщину. Такое случается со многими. Тому есть вполне логичные объяснения: мужчины в возрасте значительно молодеют, когда находятся в обществе молоденьких женщин. В сравнении со своими ровесниками такие мужчины выглядят моложаво и подтянуто, у них возникает потребность следить за собой. Многие отказываются от дурных привычек, не экономят на парфюме. Еще до войны нередко девушки соглашались на

столь неравный брак. А в послевоенные годы такие браки становились обычным делом. Безрукий и безногий в хозяйстве потребен, а уж здоровый, хоть и в возрасте, так и вовсе нарасхват.

Сорок шестой год был по всей стране голодным. Не избежала таковой участи и Татарская республика. Зачастую случались перебои с хлебом, не говоря о прочих продовольственных товарах — муке, крупах, мясе, сахаре, — и карточки, бывало, оставались нереализованными. И как прикажете жить в такое время? Покупать же продукты на рынке или в немногих коммерческих магазинах, что стали открываться в городе, — не было денег. Шутка ли: чтобы купить буханку хлеба в коммерческом магазине, надо было выложить червонец, а на базаре — и того больше. Едва ли не четвертую часть месячной зарплаты. В то время, как пайковая цена буханки по карточке — девяносто копеек. Про мясо и сахар и вовсе следовало позабыть: цены на базаре и в коммерческих магазинах были раз в семь, а то и в десять выше пайковых и доходили до ста двадцати рублей за килограмм. Да и пообносились люди изрядно за военную пору (гра-

жданскую одежду на фабриках не шили, только гимнастерки да шинели), а купить новое было невозможно — не за что и негде. Некоторые горожане и вовсе походили на беженцев, потерявших при бомбежках свое имущество: весь в общем-то нехитрый цивильный гардероб за годы войны был давно обменян на продукты питания, а потому люди без стеснения ходили в латаном-перелатаном, а то и просто в лохмотьях. Последствия страшной войны сказывались на каждом шагу, и народ выживал кто как мог.

Нина особо долго не размышляла, кому отдать руку и сердце, и выскочила замуж за бывшего нэпмана, арендовавшего в Казани в тридцатые годы несколько торговых предприятий, а ныне владельца двух коммерческих магазинов и ресторанчика при одной из городских гостиниц. Ну а если в отношениях супругов присутствовало еще и чувство — кто же посмеет осудить такую пару? И за что? А потом — не до осуждений: каждый озабочен собственными нуждами, да и судьба тоже у каждого своя.

Конечно, сосед из квартиры напротив никаким боком не принадлежал к кругу Стрешнева,

поэтому их общение ограничивалось короткими приветствиями при встречах на лестничной площадке да обменом парой ничего не значащих фраз. Общение с Ниной сводилось к тому же: здоровались, иногда говорили о ничего не значащем — не более того. И вот теперь она стояла перед Геннадием Васильевичем и его гостем растерянная, в слезах, ничего не соображающая и молила у них о помощи. Надо было что-то предпринимать. Хотя что тут можно сделать?

— М-да-а... Что же это он так? — невесело протянул Сабиров. — Ситуация... И что же делается в таких случаях?

— Не было у меня таких случаев. Думаю, надо сообщить о происшедшем в милицию, — произнес Геннадий Васильевич и добавил: — Наверное... Кто бы мог подумать. Ведь недавно с ним разговаривал. Ничто не предвещало его смерть.

— И в «Скорую помощь» тоже нужно сообщить, — в свою очередь добавил Сабиров.

— А в «Скорую»-то зачем? — обескураженно посмотрел на него Стрешнев, после чего перевел взгляд на висящего на двери Печорско-

го. — «Скорая помощь» ему уже ничем не поможет... — Значит, так, — с этими словами Геннадий Васильевич обратился к Нине, смотрящей немигающим взглядом в пустоту. — В вашей квартире пока вам делать нечего. Так что давайте лучше пойдемте-ка к нам. Хоть как-то успокойтесь. У нас вы сможете подождать милицию. А вы, Марат Ренатович, — обратился Стрешнев к своему заместителю, — побудьте пока тут до приезда милиции. Так, на всякий случай. Чтобы в квартиру никто не входил.

— Конечно, — ответил Сабиров. Слова начальника для подчиненного — руководство к действию. Даже в такой скверной ситуации. А потом не тот случай, чтобы искать повод вернуться к застолью. Какое тут веселье! А ведь так все замечательно начиналось.

— Наверное, трогать тоже ничего нельзя. Милиционеры все сами должны осмотреть и сделать какие-то выводы.

Телефонов в городе было немного, но у начальника городского управления связи он, конечно же, имелся. Геннадий Васильевич быстро вернулся в квартиру. Ободряюще улыбнулся,

чтобы совсем не расстроить гостей, и коротко объяснил:

— Соседи попросили меня в милицию позвонить. Скоро все выяснится... А ты, Петрович, — обратился он к начальнику отдела, — чего за девушками не ухаживаешь? Вон они как загрустили. Ну и выпейте водки наконец, чего меня ждать? Разливай давай!

— Это я мигом, — ободряюще произнес сухощавый мужчина с орденской планкой на пиджаке и потянулся к початой бутылке водки.

Геннадий Васильевич быстро прошел мимо встревоженных гостей в свой кабинет, где стоял телефон, и набрал номер телефона милиции. Разговаривал с дежурным недолго — сдерживая эмоции, безо всяких красок изложил увиденное. Правда, на том конце телефонной линии дежурный дважды переспросил адрес, после чего распорядился тоном, исключаящим какие-либо возражения:

— Ждите. Сейчас подъедем.

Услышав короткие гудки, Геннадий Васильевич положил трубку на телефон. Закурив, он сделал глубокую затяжку и, к немалому своему

удивлению, увидел, как пальцы слегка подрагивали. Вот угораздило!

От души немного отлегло, когда Стрешнев услышал голос Петровича, что-то оживленно рассказывающего. А еще через минуту в зале раздался дружный смех. Затушив папиросу о стеклянную квадратную пепельницу, он открыл дверь и с улыбкой вошел к гостям.

ГЛАВА 2

САМОУБИЙСТВО ИЛИ ЕГО ИМИТАЦИЯ?

Наручные часы показывали шесть минут двенадцатого. Меньше чем через час начнется новый, одна тысяча девятьсот сорок восьмой год. Что осталось в прошлом году? Пожалуй, неприятности, которых было больше, чем светлых моментов. Даже вспомнить особенно нечего. Были, конечно, знаменательные дни, когда удавалось в короткий срок раскрыть серьезные преступления. Но все эти благостные эпизоды больше были связаны со служебными обязанностями.

В личной жизни тоже ничего особенно не поменялось. Не женился, детей не завел. А ведь пора бы... Не до седых волос же бобылем ходить. Пора бы, сколько красивых девчонок по улицам ходят! Так и не дождались с войны своих суже-

ных. А ведь на счастье надеются, которого они заслуживают.

Что доброго принесет стране наступающий год? Городу и лично ему, майору Виталию Викторовичу Щелкунову, начальнику отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции? Очередные неприятности, это понятно. А если вот так, по-человечески, что от него следует ждать? Ведь должна же когда-нибудь закончиться жизнь впроголодь, с частыми недосыпаниями и нескончаемой борьбой с бандитами и иного рода преступниками, которых развелось после войны как вшей на шелудивой собаке. И тогда начнется жизнь другая, светлая и беззаботная, когда человек человеку не волк, а друг, товарищ и брат...

Виталий Викторович посмотрел на младшего лейтенанта Зиночку Кац. Сидит и задумчиво смотрит на него. Чего сидит, чего не идет домой? Наверное, оттого, что раньше начальства уходить не положено, а оно (к ее личной досаде) как будто бы и не собирается покидать рабочее место и готово заночевать на жестких стульях, где вместо подушки будет собственная ладонь.

А может, причина совсем в другом? И ты о ней прекрасно знаешь. Ведь глаз с тебя не сводит, мог бы проводить девушку, а там, глядишь, между вами что-то серьезное завяжется. Чего же девчонку на расстоянии держать? Ведь красивая же, добрая. Верной и понимающей женой станет, которая всегда обогреет, в трудную минуту ласковым словом утешит.

— Шла бы ты домой, Зина, — мягко промолвил начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством, понимая, что младший лейтенант Кац, конечно же, никуда не уйдет. — Еще успеешь к Новому году.

— Я не тороплюсь, — буркнула Зинаида и продолжала задумчиво смотреть на майора Щелкунова, и какие мысли бродили в ее хорошенькой голове — лучше было не знать. Ни к чему ему все эти сложности! Жизнь и так штука непростая, а послевоенная — тем более.

Зинаида Борисовна Кац в сорок третьем году была переведена в следственную группу городского отделения милиции, где служил начальником отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством тогда еще капитан Щелкунов, с должности

помощника прокурора железной дороги. Было ей тогда двадцать четыре года, и за плечами у нее имелось несколько раскрытых уголовных дел, что позволяло судить о Зинаиде Борисовне как о стоящем и грамотном специалисте. Классный чин юриста первого класса она была вынуждена поменять на звание младшего лейтенанта милиции. Кац с самого начала участвовала в следственных действиях в отношении так называемой «банды разведчика», терроризировавшей город в сорок пятом и сорок шестом годах, поэтому была прикомандирована к группе Щелкунова, созданной распоряжением начальника городского уголовного розыска майором Фризиным специально для ликвидации этой банды. После поимки банды и проведения следственных действий касательно ее членов, по ходатайству уже майора Щелкунова, вступившего в должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством управления милиции города, младший лейтенант Кац была переведена в его отдел.

— Тогда, Зинаида, давай старый год проводим, — указал на блюдечко с пряниками Виталий Викторович. — Ставь чайник.

— С удовольствием, товарищ майор.

Улыбнувшись, Зинаида встала со стула и поставила чайник на электрическую плитку. У нее, как и у майора Щелкунова, никого из родных в городе, да и вне его, не имелось. Так что идти встречать Новый год было абсолютно не к кому. Впрочем, все же было к кому...

Младший лейтенант Кац посмотрела на Щелкунова. Неужели он ничего не замечает? Не может такого быть. Тогда, выходит, она ему безразлична. Просто он не может сказать ей это напрямую.

Иногда Зинаида мечтала, что вот он, усталый, вернется в отдел, сядет на стул и тут она, рядом, как всегда. И обязательно у него спросит сочувственно:

— Устал?

— Есть немного.

— Было много работы?

— Ее всегда много.

— Чем же тебе помочь?

— Чем же ты сможешь мне помочь? — посмотрит он на нее с лукавинкой.

И тогда она, не сказав более ни слова (все слова просто покажутся лишними), сядет к нему

на колени, возьмет его русую красивую голову в свои узкие ладони и будет долго и нежно смотреть ему в глаза, а потом станет нежно целовать его лицо. Когда же Виталий начнет отвечать на ее поцелуи, робко, как застенчивый мальчишка, она постарается не упустить своего счастья и сделает все возможное, чтобы этот хмурого вида майор, для которого ничего важнее работы не существовало, навсегда остался с ней. А уж она знает, как сделать его счастливым.

Сначала у них родится дочка. Потом будет сын. Они станут дружно растить деток и будут продолжать любить друг друга. И так будет продолжаться долгие и долгие годы... Всегда!

Вода в чайнике будто и не собиралась закипать, лишь только деловито шумела. Пока чайник нагревался, майор и младший лейтенант не проронили ни слова. Виталию Викторовичу и правда тоже было не к кому идти. Родителей он давно потерял, семьей не обзавелся. Потому-то и остался дежурить в управлении в новогоднюю ночь, поддавшись уговорам заместителя начальника городского уголовного розыска подполковника Бедзоева, упросившего поменяться с ним

дежурствами. Дескать, дай провести праздник с семьей и детьми. У тебя все равно ни того ни другого покуда не имеется. А я тебе одно дежурство должен буду...

Чайник наконец громко загудел — вода вскипела. Зинаида разлила чай в граненые стаканы, взяла с блюда пряник. Она приобрела их в коммерческом магазине на углу улиц Баумана и Лобачевского — первом в городе, открывшемся после войны еще в сорок шестом году. Теперь таких магазинов в городе было по паре на каждый район, а то и более, и продукты в них продавались хоть и задорого, но все-таки не по таким заоблачным ценам, как в сорок шестом.

— Ну что, товарищ майор, — посмотрела на Виталия Викторовича Кац. — Давайте с вами...

Телефонный звонок не дал Зинаиде договорить. Что она хотела сказать дальше — так и осталось неясным. Но в глазах угадывалась решимость.

— Майор Щелкунов слушает, — сказал Виталий Викторович в трубку. — Вас понял, но мы самоубийствами не занимаемся. Просто проверить? Хорошо, проверим.

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции положил трубку.

— Самоповешение на улице Грузинской. Надо проверить, что там произошло, — произнес он скорее самому себе, чем Кац.

— Я с вами, товарищ майор, — заявила Зинаида.

— К чему тебе? Оставайся! Попей чайку, поешь пряников. Отдыхай знай! Это всего лишь простая формальность. А то знаешь, какое поверье существует? Как встретишь Новый год, так его и проведешь. Отметь хоть более или менее по-человечески, — отмахнулся было от младшего лейтенанта Щелкунов, да не тут-то было: Зинаида, даже не откусив от пряника, уже надевала шинель. Надев ее и шапку, она вопросительно уставилась на Щелкунова.

— Я готова, товарищ майор!

Виталий Викторович неодобрительно покачал головой.

— Вот ведь своенравная девица! Даже не знаю, как убедить тебя не ехать.

— А вы не убеждайте.

— Ладно, поехали!

В голосе Щелкунова прозвучало скрытое одобрение: не будь она такой настырной, еще большой вопрос — перевел бы ее в свой отдел майор Щелкунов...

* * *

Через пятнадцать минут подъехали к месту происшествия и вошли в затемненный подъезд. На лестничной площадке второго этажа увидели долговязого мужчину.

— Вы к нам идете, товарищ майор? По поводу повешения?

— Да. В какой квартире произошло самоубийство?

— Вот в этой, — указал мужчина кивком на приоткрытую дверь.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил майор Щелкунов.

— Заместитель начальника городского управления связи Марат Ренатович Сабилов. — Документов при себе нет... Сами понимаете, Новый год пришли встречать, вроде бы ни к чему было брать. Кто же мог предвидеть такое?

— Такое всегда сложно предвидеть. Покажите, где произошло самоубийство.

— В квартире. Проходите сюда. — Миновали сумрачную прихожую и уткнулись в полуоткрытую дверь, ведущую в гостиную. — Вот, — указал Сабиров на висящего на двери человека. И зачем-то добавил: — Провожали старый год, ни о чем таком не думали, и тут вот такие дела...

— Это вы обнаружили труп? — спросил Щелкунов, оценивая обстановку.

— Нет, — отрицательно качнул головой Сабиров. — Супруга покойного обнаружила. Вот доставил всем хлопот. Никогда не понимал тех, что решаются в здравом рассудке пойти на самоубийство.

— А где она сейчас? — поинтересовался майор.

— У нас пока находится, — ответил Сабиров и поправился: — То есть вон в той квартире, — указал он на незапертую соседскую дверь. — Я сам-то в гостях. Утешаем, как можем. Да разве ж тут поможешь, — безнадежно махнул он рукой. — Вот навалилось на женщину! Это надо же до такого додуматься!

В дверном проеме показался хозяин соседней квартиры Геннадий Стрешнев.

— А, вы уже приехали, — промолвил он, окинув взглядом Щелкунова и Кац, и, неодобрительно покачав головой, добавил: — Вот такие невеселые дела...

Дела обстояли следующим образом. В гостиную вела высокая, едва ли не в два человеческих роста дверь. Такие раньше изготавливались для присутственных мест, чтобы всяк в них входящий осознавал все величие власти, которая, разумеется, исходила от Бога. На двери, на обычной бельевой веревке, перекинутой через верх дверного полотна и одним концом привязанной к ручке с внешней стороны, а на другом имеющей петлю, висел, не доставая сантиметров сорока до пола, пожилой грузный человек. Одет он был в просторную полосатую пижаму, верхняя пуговица которой была расстегнута. Под верхней частью пижамы просматривалась выцветшая синяя майка. Комнатные кожаные стоптанные тапки валялись в стороне. Ступни покойного были неестественно вытянуты, словно хозяин квартиры в последние минуты своей жизни пытался дотянуться до пола. Лицо приобрело почти синий цвет, а в концах приот-

крытых губ белела подсохшая пена. Последнее означало, что смерть от удушения наступила не четверть часа назад и даже не час, а значительно раньше.

— Помогите мне его снять, — обратился Щелкунов к подошедшему Стрешневу и Сабирову и перевел взор на младшего лейтенанта Кац: — А ты, Зинаида, сходи на кухню и принеси нож. Веревку срезать.

После этого он вплотную подошел к повешенному и обхватил его за живот. С другой стороны то же самое проделал Стрешнев, обхватив тело соседа за бедра. Сабиров приготовился принять труп за грудь, когда веревка будет перерезана.

Пришла из кухни Зинаида. Подняла валявшуюся табуретку, встала на нее и несколькими движениями перерезала веревку.

Труп Печорского, предпринимателя и владельца двух коммерческих магазинов и коммерческого ресторана при гостинице в Молотовском районе, неуклюже и тяжело повалился на бок. Если бы Сабиров не успел вовремя обхватить тело бывшего коммерсанта за плечи, воз-

можно, оно рухнуло бы на пол или повалилось бы бревном на майора Щелкунова — до того Модест Вениаминович был грузен. А так трое мужчин, проявив усилие, почти бережно положили тело Печорского на пол, и Виталий Викторович получил возможность внимательно осмотреть труп. Однако кроме полос, оставшихся после веревочной петли, никаких иных телесных повреждений обнаружено не было.

— Похоже на самоубийство, — пробормотал майор Щелкунов, продолжая осматривать тело бывшего предпринимателя. — Конечно, врач бы здесь разобрался лучше меня, но кроме следов от повешения я не вижу на теле ни синяка и ни единой царапины, что указывало бы на возможное сопротивление. А это значит, что его не было.

— Следов? — заинтересованно переспросила Зинаида, вспомнив, наверное, что-то из своей следственной практики.

— Ну да, следов насилия не вижу, — ответил Щелкунов, не понимая пока, отчего у Кац возник такой вопрос. — Вот только от веревки следы.

— Их что, несколько? — снова спросила Зинаида, подходя к трупу и наклоняясь над ним.

— Два... Вернее, две полосы, — уточнил Щелкунов. — Видишь: одна полоса идет поперек шеи горизонтально, а другая — наискосок, снизу вверх... Стоп, — посмотрел Виталий Викторович на Кац. — Ты хочешь сказать, что его сначала задушили, а потом, уже мертвого, повесили, имитируя самоубийство?

— Это не я хочу сказать, — усмехнулась Зинаида. — Это вы сами только что сказали.

Зинаида немигающе смотрела на своего начальника. И опять, похоже, думала не о том, о чем следует размышлять на месте преступления.

Последовало молчание, которое первым прервал Щелкунов. Вот Виталий Викторович думал как раз о том, о чем положено думать при проведении следственных действий.

— Будем иметь в виду, — слегка нахмурившись, произнес он. — Так или иначе, все станет ясно, когда тело осмотрит криминалист. Дождемся компетентного заключения судебно-медицинской экспертизы, а там поглядим, самоубийство это или... совсем наоборот. — Виталий

Викторович снова помолчал, после чего обратился к стоящему около него Сабирову: — Как его звали, не подскажете?

— Кого? — не сразу понял вопрос Марат Ренатович.

— Покойного, — мотнул головой в сторону трупа Щелкунов.

Марат Сабиров пожал плечами.

— Я не знаю, — изрек он. После чего посмотрел на Стрешнева. — Знаком я с ним не был. Вот Геннадий Васильевич знает...

— Его звали Модестом Вениаминовичем Печорским, — промолвил Стрешнев тоном, каким говорят заупокойные речи.

— Вы хорошо его знали? — обернулся в его сторону Виталий Викторович.

— Не особо, не приятельствовали, — последовал ответ в том же минорном тоне. Кошки в душе по поводу кончины Печорского у Геннадия Васильевича не скребли. Хотя самоповешение хозяина соседской квартиры было из разряда событий малоприятных. Вот разве что случившееся заставило задуматься о бренности бытия: живешь так себе, ни о чем плохом не думаешь,

а оно разом все может поменяться. — Так, здоровались. Иногда перекидывались парой ничего не значащих фраз. Он был человеком не нашего круга, и у нас не было общих интересов, — добавил Стрешнев уже иным, обычным тоном.

— Ну какое-то общее впечатление о нем вы могли для себя составить? — вступила в разговор Зинаида, внимательно рассматривающая обстановку в зале, однако прекрасно слышащая разговор своего начальника с хозяином соседней квартиры.

— Трудно что-либо сказать... Но мне всегда казалось, что он был человеком себе на уме, — немного поразмыслив, произнес Стрешнев. И в некоторой задумчивости добавил: — Кажется, покойный был из той породы людей, которые никогда не расскажут вам о своих планах, даже будь вы самый лучший их друг.

— То есть ваш усопший сосед был человеком закрытым, — то ли спросил, то ли констатировал факт майор Щелкунов.

Геннадий Васильевич понял последнюю фразу майора милиции как вопрос и не очень решительно ответил:

— Не то чтобы закрытый... — Стрешнев опять немного подумал. — Скажем так: он был человеком, не пускающим никого дальше передней. По крайней мере, мне так показалось, — добавил начальник городского управления связи.

— Ясно, то есть он держался на расстоянии, — понял, что хотел сказать Стрешнев, Виталий Викторович.

— Можно и так сказать. В какой-то степени это понятно, ведь он был успешным предпринимателем. Деньги у него водились. А они всегда требуют какой-то осторожности. А уж в наше беспокойное время тем более.

— А чем он владел, можете сказать?

— Двумя магазинами и коммерческим рестораном.

— А что вы можете рассказать о его супруге?

— О ней могу сказать еще меньше, — промолвил Геннадий Васильевич. — Ее зовут Нина. Отчества, простите, не знаю. Она вроде бы из эвакуированных.

— А откуда именно?

— Не могу вам сказать точно. До того как вышла замуж, жила одна в каком-то общежитии

на окраине Казани. Как-то пожаловалась моей жене, что голодала, перебивалась какими-то разовыми заработками. Потом каким-то образом сошлась с Печорским и вышла за него замуж. Что в итоге? Он получил молоденькую супругу, младше его на тридцать с лишним лет. А она — состоятельного человека, способного без труда ее прокормить и приодеть.

— То есть получается, что это был брак по расчету? — быстро глянул на Стрешнева Виталий Викторович.

— С уверенностью сказать не могу, — после довольно продолжительного молчания промолвил Геннадий Васильевич. — Может, у них была и любовь... Поначалу они вроде бы неплохо жили. Все время были вместе. Модест Вениаминович был человеком небедным, на супругу не скупился: украшения ей дарил разные, одевал ее с иголки.

— А потом что-то изменилось? — поинтересовался Щелкунов.

— Да по-всякому случалось... Жена мне рассказывала, что в последнее время они не очень-то и ладили, — ответил Стрешнев. — Я и сам Модеста не раз хмурым встречал.

— А ваша супруга сейчас дома? — посмотрел на него Виталий Викторович.

— Конечно, а где же ей еще быть? — последовал ответ. — Там и гости, и она... Праздник все-таки.

— Мы тут немного осмотримся, и я чуть позже с ней поговорю, вы разрешите? — продолжал смотреть на Геннадия Васильевича майор Щелкунов, и можно было подумать, что это не офицер милиции, а сама вежливость и тактичность в образе милиционера. Откажи Стрешнев — и такой встрече не бывать!

— Хорошо, — бесцветным голосом произнес Геннадий Васильевич, пожимая плечами, совершенно не понимая, зачем майору милиции понадобилось его разрешение на разговор с супругой, когда служитель правопорядка волен расспрашивать кого бы то ни было согласно служебной необходимости и по собственному усмотрению.

— Вы заметили, товарищ майор, что в квартире не наблюдается никакого беспорядка? — снова подала голос Зинаида.

— Хотите сказать, что Печорский все же сам повесился? — остро глянул на младшего лейте-

нанта Щелкунов, жестом давая понять Стрешневу, а вместе с ним и Сабирову, что их присутствие в квартире Печорского уже необязательно.

Едва кивнув, оба незамедлительно и с немалым облегчением вышли из квартиры.

— Нет, — не задумываясь ответила Зинаида. — Хочу лишь сказать, что убийца или убийцы либо знали, где в квартире лежат деньги и самое ценное, поэтому не стали нигде рыться, либо гражданина убили по иным причинам. Если, конечно, убили.

— Вот ты к чему, — в упор посмотрел на Кац Щелкунов. За непродолжительное время ее службы в отделе Зинаида многому научилась, а главное — она обладала особенностью видеть детали, которые нередко пропускали даже иные оперативники. Говорят, что женщины наблюдательнее мужчин, это как раз про нее. — Значит, ты не можешь с уверенностью сказать, что это было: убийство или самоубийство.

— Сомневаться для следователя — вещь полезная и обязательная, — изрекла Зинаида тоном наставника, но не строгого, а доброго и участливого. — И убийство это или самоубийст-

во, будет известно наверняка после проведения медицинских и криминалистических экспертиз и написания по ним заключений. Но вот этого, — протянула она Виталию Викторовичу листок бумаги, — не принять во внимание никак нельзя. Этот листок лежал на комодке на видном месте под серебряным портсигаром.

Щелкунов взял из рук младшего лейтенанта листок бумаги и прочитал вслух:

— «Прошу в моей смерти никого не винить. Ухожу из жизни добровольно, прощайте. Модест Печорский».

Внизу стояла неразборчивая подпись, различить в которой можно было только начальную букву «П».

Настало время допросить супругу самоубийцы. А возможно, что и убиенного.

— Вот что, Зина, давай приведи сюда Нину Печорскую. Нам будет о чем с ней поговорить.

— Хорошо, Виталий Викторович, — охотно откликнулась Кац и, постукивая каблучками о сверкающий паркет, вышла из квартиры.

Зинаида выполнила приказание майора буквально: привела Печорскую, бережно придер-

живая ее под локоток. Но не потому, что вдова сопротивлялась и не желала уходить. Напротив, когда младший лейтенант прошла в квартиру Стрешневых и сообщила Печорской, что с ней хочет поговорить майор милиции, то молодая женщина охотно согласилась вернуться домой. Видимо, Нина Печорская, раздавленная горем, крайне неуютно чувствовала себя в компании чужих людей, которые пришли в гости не для того, чтобы грустить, а затем, чтобы весело встретить Новый год. Да и гости с ее уходом почувствовали некоторое облегчение, что прочитывалось по их враз повеселевшим лицам.

...Но, шагнув в прихожую, вдова покачнулась. Вероятно, силы покинули ее. Вот Зинаида Борисовна и поддержала ее в нужный момент.

— Вам плохо? — сочувственно спросила она.

— Ничего... Уже все прошло, — вроде бы взяла себя в руки Нина, стараясь не смотреть на распластанный на полу труп мужа.

— Тогда скажите мне: это почерк вашего мужа? — доброжелательно поинтересовался Виталий Викторович, протянув обнаруженную записку Нине.

Вдова мельком глянула на бумагу:

— Кажется, Модеста.

Такой ответ ничуть не удовлетворил майора Щелкунова.

— Что значит — «кажется»? Это его почерк или не его? Скажите нам точно. Вы ведь знаете его почерк. Вам не однажды приходилось видеть, как ваш муж заполнял документацию для своих магазинов, — произнес Виталий Викторович уже без всякого намека на доброжелательность. — Следствию важно знать точно.

Снова мельком глянув на записку, Нина Печорская ответила:

— Мужа.

Прозвучало не очень убедительно. Майор Щелкунов невольно сжал губы.

— И подпись его? Вы подтверждаете? — ровным, сочувствующим тоном, пряча нарастающее раздражение, спросил Виталий Викторович. А ведь могла бы ответить и более убедительно. Ведь прожила с мужем бок о бок не один месяц. Ему никогда не нравилась неопределенность в словах свидетелей. Ну как можно, скажите на милость, иметь дело с очевид-

цем, слова которого расплывчаты и нетверды. Прикажете ему верить? Что-то не очень получается.

— Его, — устало произнесла Печорская, и ее опять качнуло. Женщина была очень слаба. Происшествие, случившееся в ее квартире, сильно на нее повлияло, забрав, по-видимому, все силы.

Без четверти двенадцать прибыл дежурный участковый, уже в годах, с орденом Красного Знамени на темно-синем мундире.

— Старший лейтенант Бабенко, — представился он.

— Помогите младшему лейтенанту, — приказал ему Щелкунов, указав на Зинаиду Кац и продолжая недоверчиво и, похоже, участливо поглядывать на Нину Печорскую. — Мы ищем письма и бумаги, написанные рукою покойного. И чтобы они были подписаны его собственной рукой. Очень помогли бы личные письма, документы.

— Понял, товарищ майор, — ответил Бабенко и прошел к младшему лейтенанту: — Ваш начальник направил меня к вам.

— Хорошо, — ответила Зинаида и четко поставила участковому уполномоченному задачу: — Для начала нужно просмотреть шкаф, ящики в комодах, письменный стол. Я начну с комода, а вы осмотрите письменный стол.

Письма, написанные рукою Печорского, нашлись в том же комоде. А пачка документов в белой папке с тесемками была обнаружена Бабенко в ящике письменного стола. На некоторых документах стояла размашистая подпись Печорского.

— А теперь давайте сравним почерк с записки с теми письмами, что отыскиались.

Для верности записку положили рядом с письмами. Вроде бы все буквы схожи, и вместе с тем записка и строки, написанные в письмах, каким-то неуловимым образом отличались.

— Каково твое мнение, Зина? — посмотрел на младшего лейтенанта Щелкунов.

— Мне кажется, что они не очень похожи. Вот посмотрите повнимательнее, товарищ майор, в предсмертной записке у строчек наклон немного другой и буквы ложатся как-то поровнее. А написание некоторых букв в записке и в письмах

вообще разнятся! Видите, в предсмертной записке буква «И» прямее выглядит, чем в письмах и в документах, а буква «О» в записке более вытянутая. А еще Печорский перед смертью должен был находиться в сильном волнении, это как-то должно было сказаться на его почерке. А мы видим, что почерк у него в предсмертной записке ровный, как будто бы Печорский старательно выводил каждую букву. Никуда не спешил. В письмах он менее аккуратен.

— Замечание, конечно, верное, — вынужден был согласиться Щелкунов. — А ты не думаешь, Зинаида, о том, что Печорский взвешенно принимал решение о самоубийстве. Перегорело у него все внутри, вот потому он и не волновался. И торопиться ему уже было некуда. А что касается самого почерка, то мне видится, что в обоих случаях почерки очень похожи и могли быть выполнены одной рукой. Хотя я, конечно, не являюсь специалистом-почерковедом. Пусть участковый нас рассудит, — решил Виталий Викторович. — Старший лейтенант, подойдите сюда.

Участковый немедленно подошел.

— Давно служите в милиции?

— Лет пятнадцать. Поначалу, как с Гражданской пришел, мастером на заводе поставили, а уже потом, как коммуниста, в милицию направили.

— Значит, опыт большой.

— Всякого насмотрелся, чего уж там...

— Можете нас рассудить? Почерк в письмах похож на тот, что в записке?

Старший лейтенант довольно долго разглядывал бумаги, неодобрительно хмыкал, смотрел зачем-то бумаги на свет, после чего весьма глубокомысленно изрек, не поддержав ни сторону младшего лейтенанта, ни майора:

— Кое-какие отличия между почерком в предсмертной записке и почерком в письмах, следует признать, имеются. Но, с другой стороны, — добавил после небольшой паузы Бабенко, — ежели бы я собирался через пару минут удавиться, мой почерк, я думаю, тоже бы отличался от того, каким я пишу в обычных условиях... К тому же не стоит человеку, не очень-то сведущему в подобных вопросах, решать, тот это почерк или не тот, ибо ничего это не даст.

Сказано было емко и убедительно. Поэтому Щелкунов пришел к единственно правильному решению, заключив следующее:

— Хорошо. Отдадим записку с письмами и документами экспертам-почерковедам. А они уж там пусть разбираются. — Потом обратился к Нине, стоящей рядом: — Осмотрите вещи. Если у вас что-то пропало, скажите.

Нина огляделась и ответила не сразу:

— Да вроде ничего. Все на месте.

— Деньги в доме были? — поинтересовался Виталий Викторович.

— Да, — последовал ответ.

— Где они хранились?

— В письменном столе.

— Вы не можете посмотреть, — мягко обратился Щелкунов к Печорской, — находятся ли деньги на своем месте или нет?

Виталию Викторовичу отчего-то было жалко молодую беззащитную вдову. Как бывает жалко голодного щенка, тыкающегося холодным носом в ладони, или котенка, забившегося со страха перед чужим миром под лавку или скрипучее крыльцо. Хотя ранее в каких-либо прежних де-

лах, которые ему доводилось вести, особой жалости к свидетелям происшествий или преступлений майор не испытывал.

Все теперь пойдет прахом, что Модест Печорский так кропотливо преумножал и выстраивал: магазины и ресторан.

Нина прошла к письменному столу и выдвинула верхний ящик. Денег в нем не оказалось.

— Их здесь нет, — удивленно произнесла она и посмотрела на майора милиции: — Вы полагаете, нас ограбили? — Она помолчала, собираясь с духом, чтобы произнести следующую фразу: — А моего мужа что — убили? Но кто это мог сделать? И за что?

— Мы здесь для того, чтобы разобраться во всех обстоятельствах произошедшего, — уклончиво и довольно сухо ответил Щелкунов.

— Да нет, не может такого быть, — взволнованно произнесла Печорская, обращаясь скорее сама к себе. После чего вскинула голову и посмотрела Виталию Викторовичу прямо в глаза: — Модест Вениаминович, конечно, сделал это сам. Это, вне всякого сомнения, самоубийство.

— Откуда у вас такая уверенность? У него были на то какие-то причины? Может, он болел?

Отвернувшись, вдова молчала.

— Сколько было денег? — выдержав паузу, спросил Виталий Викторович, немного удивленный поведением молодой вдовы. Другая бы на ее месте наверняка ухватилась бы за версию об убийстве мужа, которая оправдывала бы его и делала из него жертву преступления, а не явно смалодушничавшего человека, славшегося перед обстоятельствами. Если бы эта другая его любила и желала сохранить добрую память о нем. А Нина, похоже, больших чувств к ныне покойному супругу не испытывала.

— Точно я не могу сказать, — тихо ответила молодая женщина.

— Ну, можете сказать хотя бы примерно? — вновь спросил Щелкунов, надеясь получить точный ответ.

— Думаю, тысяч семь-восемь.

— Значит, в ящике письменного стола находилось тысяч семь-восемь, которых на настоя-